

Хэ Ци вышел из ванной, заодно приняв душ. Его волосы были мокрыми, на шее болталось белоснежное полотенце. Лицо выглядело лучше, чем после пробуждения, но всё же оставалось слегка уставшим. С удивлением он посмотрел на Нюню, стоявшую у двери маленькой кухни, и на Син Яня, который, казалось, противостоял ей.

— Что вы тут устроили? — спросил он.

Нюню, опередив Син Яня, быстро ответила:

— Хэ Ци, пойдёшь со мной вниз поесть?

— Конечно, — без раздумий согласился он.

Нюню спрыгнула со стула, подбежала к Хэ Ци и, схватив его за руку, почти потащила за собой к двери. Хэ Ци не сразу понял, что происходит. Ухватившись за дверной косяк, он, несмотря на настойчивость девочки, успел обернуться:

— Что вообще происходит?

Син Янь объяснил:

— Её мама приготовила обед и позвала нас вниз.

— Что? — Хэ Ци подумал, что Нюню звала его в кафе, а оказалось, что её мама с утра приготовила несколько своих фирменных блюд, чтобы угостить их. Внезапное приглашение застало его врасплох. Ему казалось, что мать Нюню могла бы пригласить только Син Яня, ведь именно он заботился о девочке, а он сам ничего не делал. Как же он мог принять такое гостеприимство?

Продолжая бороться с Нюню, он сказал Син Яню:

— Чего стоишь? Иди вниз. Что за приём, если я один пойду?

Син Янь послушно подошёл, и Нюню, держа каждого за руку, словно ведя под конвоем, повела их вниз.

Едва переступив порог, она громко крикнула:

— Мама! Я их привела!

Сестрица Ван, занятая готовкой на кухне, выглянула в дверь и ответила:

— Спустились? Садитесь пока на диван, еда скоро будет готова.

Син Янь и Хэ Ци чувствовали себя так, будто впервые встречаются тёщу. Они сели на диван, выпрямив спины, а девочка, радостная, устроилась между ними и включила телевизор. Хэ Ци почувствовал странное ощущение знакомости от этой сцены. Ему вспомнилось, как он впервые оказался в доме Нюню. Казалось, ничего не изменилось: Син Янь по-прежнему нервно потирал руки, сидя на диване, а Хэ Ци, под его влиянием, тоже начал ёрзать.

На кухне кипела работа, в гостиной звучали мультфильмы, Нюню время от времени смеялась, и Син Янь постепенно расслабился. Но Хэ Ци не мог усидеть на месте. Вставая, он сказал Син Яню:

— Пойду посмотрю, чем могу помочь.

И направился на кухню.

Сестрица Ван, увидев его, удивилась:

— Сиди спокойно в гостиной, не нужно помогать.

Хэ Ци включил воду, помыл руки и ответил:

— Позвольте помочь. Не хвастаясь, но я неплохо готовлю.

Увидев его настойчивость, Сестрица Ван уступила раковину и попросила его обработать рыбу, купленную утром в магазине.

Они молча занимались своими делами, и тишина между ними стала немного неловкой. Сестрица Ван решила завести разговор, спросив, где он живёт, предпочитает ли пресную или солёную еду, ест ли острое. Хэ Ци рассказал о своём родном городе, упомянул, что у него проблемы с желудком, поэтому острое ему нельзя, а так как он вырос на побережье, предпочитает лёгкую пищу. Услышав это, она озабоченно взглянула и произнесла:

— Ох, беда.

Хэ Ци понял, почему она так сказала. Прожив у них наверху так долго, он знал, что эта семья обожает острое, и их еда всегда насыщенная. Сказав это, он косвенно дал понять, что их блюда ему не подходят. Внутренне он тоже подумал: «Беда», и уже собирался поправиться, но Сестрица Ван улыбнулась:

— К счастью, я помню, как готовить лёгкие домашние блюда.

Она повернулась к нему:

— Мы не обязаны есть только острое.

Оказалось, что она тоже родом с юга, где предпочитают лёгкую пищу. Раньше, живя с этой семьёй, она готовила с большим количеством специй, чтобы угодить их вкусам, и со временем сама к этому привыкла. Теперь, оставшись с Нюню, они тоже стали любителями острого.

Они болтали о разном, и Хэ Ци заметил, что Син Янь незаметно появился в дверях, неясно, как давно он там стоял. В гостиной шёл любимый мультфильм Нюню «Медведи-соседи», и она одна на диване наслаждалась просмотром.

— Ты тоже пришёл? Хочешь помочь? — спросил Хэ Ци.

Син Янь улыбнулся, развернулся и вернулся в гостиную. Хэ Ци, увидев, что он ушёл, ничего не сказал. На такой маленькой кухне двум людям было тесно, не говоря уже о третьем. Если бы он попытался втиснуться, это только помешало бы.

Хэ Ци услышал, как Син Янь в другой комнате спросил:

— Нюню, не хочешь пойти учиться играть на синтезаторе?

— Посмотрю ещё одну серию, — ответила девочка.

Сестрица Ван смущённо улынулась:

— Нюню очень непоседливая, и всё это время доставляла вам хлопоты.

Хэ Ци поспешил возразить:

— Это не проблема.

Он хотел добавить, что даже если это и хлопоты, то больше для Син Яня, а он сам не против, но слова застряли у него в горле, и он их не произнёс.

Сестрица Ван планировала приготовить кисло-острую рыбу, но, учитывая, что Хэ Ци не ест острое, решила сделать её в соусе. Обжарив бобовую пасту с имбирём и чесноком, она нарезала имбирь длинными полосками, что напомнило Хэ Ци его мать. Она тоже любила готовить рыбу с большим количеством имбиря, нарезанного длинными полосками и выложенного на рыбу перед приготовлением на пару. В их краях не было принято готовить рыбу в соусе, соевый соус использовали только для приправы, а еда была всегда лёгкой, все процессы упрощались, но когда дело доходило до рыбы, они никогда не экономили на усилиях. Например, его мать никогда не ела речную рыбу, только свежую морскую, которую ловили в тот же день и готовили сразу, не оставляя в холодильнике на ночь. При приготовлении рыбы добавляли минимум приправ, только соль и перец, а готовили её только на пару или варили. Звучит просто, но на самом деле это было очень хлопотно. Его мать была женщиной, которая никогда ни с кем не спорила, но в вопросах рыбы была непреклонна. Хэ Ци хотел иногда разнообразить меню, но она никогда не шла на уступки. Единственное исключение — её любовь к имбирю, поэтому, готовя рыбу, она нарушала свои правила, добавляя много имбирных полосок, и блюдо уже не было таким лёгким.

Не знаю почему, но в последние дни он почему-то особенно скучал по своей матери. Возможно, проведя время с этой матерью и дочерью, он невольно почувствовал ностальгию.

Из комнаты донеслись звуки синтезатора. Хэ Ци прислушался: телевизор уже выключили, видимо, Нюню была рядом с Син Янем.

Это был второй раз с тех пор, как той ночью он почти заставил Син Яня сыграть «Маленькую звёздочку», что он слышал его игру. Мелодия была очень знакомой, но Хэ Ци не мог вспомнить её название. Он был обычным человеком, псевдоинтеллектуалом, который смотрел только фильмы. Классическая музыка была для него слишком высокой, он её не понимал. Как и большинство людей, он мог лишь сказать: «О, я слышал это в фильме такой-то», и всё. Даже имена великих композиторов он знал лишь поверхностно.

Син Янь играл самое известное лирическое произведение Листа — «Грёзы любви» в ля-бемоль мажоре. Дешёвый синтезатор не мог передать всю глубину и спокойствие оригинала, но он был полностью поглощён игрой, не обращая внимания на низкое качество звука. Хэ Ци, увлечённый музыкой, непроизвольно вышел из кухни, прошёл через гостиную и остановился у двери спальни.

Син Янь сидел за смешным розовым детским столом, его пальцы двигались по клавишам. Хэ Ци не видел его лица. Он и Нюню тихо стояли рядом, слушая, едва дыша, словно боясь нарушить его сосредоточенность.

*

Люби!

Люби, пока можешь любить!

Скоро настанет час, когда ты будешь скорбеть у могилы.

Твоё сердце должно оставаться горячим, полным привязанности,

Пока есть сердце, которое отвечает тебе теплом.

Пока есть человек, который открывает тебе свою искренность, ты должен сделать всё,

Чтобы он был счастлив, без мгновения печали!

*

|

<http://bllate.org/book/16327/1473988>